

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-11-1.8>

Клочков Виктор Викторович

ПАРТИЯ ТОРИ В 1760-1832 ГГ.: ПРОБЛЕМЫ ИДЕОЛОГИИ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ БРИТАНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

На основе анализа историографии оспаривается тезис о том, что партия тори обрела организационное единство только после серии расколов 1827-1830 гг., вызванных предоставлением политических прав диссентерам и эмансипацией католиков. Подчеркивается, что этому предшествовал длительный период консолидации тори (1760-1832), который сопровождался зарождением их идеологии и политической идентичности. Показывается, что в современной британской историографии все больше сторонников обретает позиция, в соответствии с которой раскол 1832 г. был вызван прежде всего конституционными изменениями, а уже затем - собственно партийными проблемами тори.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2018/11-1/8.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2018. № 11(97). Ч. 1. С. 38-42. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2018/11-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

ACTIVITY OF THE RUSSIAN RED CROSS SOCIETY TO FIGHT AGAINST SOCIAL DISEASES IN NIZHNIY NOVGOROD REGION IN THE 1920S

Kezhutin Andrey Nikolaevich, Ph. D. in History
Privolzhskiy Research Medical University, Nizhny Novgorod
kezhutin@rambler.ru

The article describes the regional peculiarities of the Russian Red Cross Society's struggle against socially dangerous diseases, such as venereal diseases and tuberculosis, in Nizhny Novgorod region in the 1920s. The author examines social and scientific approaches to developing a set of anti-tuberculosis and venereologic measures and considers their realization. The study is based on the archival materials of the all-Russian and regional archives, the materials of local periodicals. The author identifies the causes for the wide spread of social diseases, analyses the proposed measures to eradicate them. The data about the state of healthcare in national regions are introduced into scientific use.

Key words and phrases: Russian Red Cross Society; Nizhny Novgorod region; social diseases; syphilis; tuberculosis.

УДК 94(100-87)

Дата поступления рукописи: 29.06.2018

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-11-1.8>

На основе анализа историографии оспаривается тезис о том, что партия тори обрела организационное единство только после серии расколов 1827-1830 гг., вызванных предоставлением политических прав диссидентам и эмансипацией католиков. Подчеркивается, что этому предшествовал длительный период консолидации тори (1760-1832), который сопровождался зарождением их идеологии и политической идентичности. Показывается, что в современной британской историографии все больше сторонников обретает позиция, в соответствии с которой раскол 1832 г. был вызван прежде всего конституционными изменениями, а уже затем – собственно партийными проблемами тори.

Ключевые слова и фразы: Великобритания «долгого XVIII века»; конституционное и политическое устройство; партия тори; историография британской партийно-политической системы; «конституционная революция».

Клочков Виктор Викторович, к.и.н., доцент
Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону
Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону
vicpeel@mail.ru, vvklochkov@srfedu.ru

ПАРТИЯ ТОРИ В 1760-1832 ГГ.: ПРОБЛЕМЫ ИДЕОЛОГИИ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ БРИТАНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

История английской партийно-политической системы второй половины XVIII – первой трети XIX века – достаточно традиционный и подчеркнута самостоятельный объект исследования в современной британской историографии. Каждому поколению историков в той или иной степени свойственно стремление переосмысливать достижения предшественников, извлекая новые и по-иному рассматривая прежние комплексы источников. Меняются историографические предпочтения, возникают иные способы описания и приемы реставрации прошлого. Всякий раз, когда постепенное накопление фактического и историографического материала дает возможность иначе подойти к осмыслению устоявшихся исторических концепций, исследователи предпринимают попытку создать новый умопостижимый образ прошлого в конкретной области исторического знания.

Нужно обладать известной долей уверенности, чтобы заявлять об открытии чего-то принципиально нового в области партийно-политической системы Великобритании второй половины XVIII – первой трети XIX века, изучением которой профессионально занимались поколения выдающихся специалистов. Однако можно говорить о том, что в британской историографии последнего тридцатилетия сложилась новая тенденция, связанная с осмыслением процесса формирования политической идентичности тори второй половины XVIII – первой трети XIX века и роли религиозного фактора в данном процессе.

Общим местом в британской историографии является тезис о том, что раскол партии в 1827-1830 гг. был вызван фритредерскими наклонностями кабинетов Дж. Каннинга и виконта Годерика, тогда как сама партия являла тогда собой некоторое организационное и идеологическое единство. Характерно, что эта точка зрения восходит к мнению современников: торийский *“Blackwood's Edinburgh Magazine”* отметил в связи с отставкой кабинета Веллингтона в ноябре 1830 г., что это «поражение кабинета, но не принципов тори» [4, р. 987]. Однако по вопросу о том, что же представляло собой это единство, среди современных исследователей нет единства.

История партии тори была предметом пристального интереса поколений историков. По проблеме первой половины XVIII века среди специалистов долго присутствовал относительный консенсус: было принято считать, что в этот период виги и тори представляли собой реальное разделение политических сил по ключевым аспектам текущей политики. Однако уже в начале 80-х гг. прошлого века, с появлением работ Л. Колли, этот взгляд стал корректироваться в том отношении, что к началу 60-х гг. партия тори оказалась расколотой на несколько фракций [11, р. 291]. Этой же точки зрения придерживаются Ф. О'Горман [27, р. 2, 45],

И. Кристи [7, p. 47] и Р. Парес [29, p. 71-72]. Развивая взгляд Л. Колли, они обращают особое внимание на то, что к середине XVIII века четкое размежевание вигов и тори, столь характерное для времен правления королевы Анны и первых Ганноверов, постепенно утрачивает свою актуальность. Эти авторы солидаризируются с хорошо известным замечанием, высказанным современником событий на страницах "Gentleman's Magazine" в 1776 г.: «Различие между вигами и тори больше не существует в Англии... теперь есть только партия Бьюта, партия Бедфорда, партия Чатэма, партия Рокингема, партия Шелберна и т.д., среди них и происходит борьба за власть» [Цит. по: 23, p. 107-108].

Эта исследовательская позиция нашла свое отражение в историографическом критицизме, наиболее характерным выразителем которого стал известный исследователь Дж. Кларк. Обращая внимание на период с 1801 по 1829 гг., он писал, что «поскольку существовала организованная вигская партия, считалось, что существовали и тори. Но на практике этого не было» [9, p. 305]. Эта точка зрения восходит к традиционному вигскому взгляду на историю политических партий Великобритании, некогда высказанному К. Фейлинг: «...никакой партии тори в современном смысле этого слова в первой трети XIX в. не существовало» [14, p. 5].

При этом следует помнить, что десятилетием ранее известный исследователь политических партий Великобритании и партийной прессы А. Аспиналл акцентировал внимание на том, что уже к началу XIX века такие атрибуты современных партий, как «кнуты» в палате общин, партийные организации и фонды, были обычным делом [1]. Позиция К. Фейлинг и Дж. Кларка стала наглядной иллюстрацией того, что наличие подобных инструментов партийной организации и в особенности их практическое применение не стоит преувеличивать. Обычной была практика, когда заднескамеечники даже не информировались о текущей позиции партийных лидеров. Что же касается обратного влияния лидеров партии на заднескамеечников, то оно, по-видимому, также оставалось крайне ограниченным. Партийные собрания если и проводились, то были нечасты и собирались для того, чтобы информировать членов партии о решениях, уже принятых кабинетом министров [6, p. 102-103].

Важным нововведением оказалось появление «партийных секретарей» (яркий пример среди тори – Чарльз Арбетнот), использующих повседневную корреспонденцию для мобилизации членов партии в палате общин, но такая практика также оказалась весьма ограниченной, а ее результаты – пренебрежимо малыми. Организационное единство и партийная дисциплина оставались понятиями, незнакомыми ни для членов кабинета министров, ни для лидеров оппозиции [13, p. 39].

В этом отношении замечание К. Фейлинг о том, что «существовало лишь общее представление о неких партийных рамках, но партийным фракциям явно не хватало общей идеологии», выглядит достаточно обоснованным [14, p. 5-6]. Что же касается фракций внутри партий, то само их наличие и постоянные, порой довольно причудливые политические комбинации, возникающие на их основе, позволили Дж. Кларку говорить о том, что с 1757 по 1827 гг. в стране фактически существовала однопартийная система, характеризующаяся крайней текучестью, фракционализмом и надпартийным кабинетом министров [9, p. 307-308].

Эта точка зрения в последнее время была подвергнута сомнению несколькими исследователями. Так, С. Ли наглядно показал, что оппозиция, состоявшая из сторонников У. Питта-младшего, консервативных вигов и ряда критически настроенных по отношению к существующей партийной системе парламентариев, по отношению к коалиционному кабинету, известному как *The Ministry of All the Talents* (февраль 1806 – март 1807 г.), фактически была организована как партия [24, p. 21-42]. В дополнение к этому, Р. Парес обратил внимание на то, что хотя в период между 1801 и 1812 гг. сменились пять кабинетов министров, этот процесс сопровождался появлением в парламенте четырех или пяти независимых фракций, когда «сторонники консервативно настроенных вигов фактически отбросили фракционизм, распределившись между двумя ведущими партиями». Кроме того, в 1812 г. сторонники лорда Сидмута окончательно объединились с последователями У. Питта-младшего, а назначение Сидмута министром внутренних дел в кабинете лорда Ливерпуля усилило их позиции. Наконец, роспуск фракции Каннинга в 1813 г. и распад коалиции сторонников лорда Гренвилла в 1821 г. дополнили картину постепенного исчезновения фракций с политической арены [29, p. 191].

Это обстоятельство заставило исследователей внимательнее присмотреться к администрации лорда Ливерпуля (1812-1827 гг.) как ключевому периоду в ходе формирования двухпартийной системы. Р. Парес писал, что это было время «консолидации патриотических и консервативных сил страны и возрождения партии тори, мощной и единой, несмотря на персональные амбиции Дж. Каннинга и фракционизм вокруг эмансипации католиков. Именно тогда были заложены реальные основы двухпартийной системы» [20, p. 199; 29, p. 192]. Для С. Ли не подлежит сомнению тот факт, что после падения У. Питта-младшего партийное разделение в стране возобновилось. Однако, в отличие от Р. Пареса, исследователь не столь оптимистичен в отношении того, что уже к 1827 г. возникли вполне сформированные партии вигов и тори, из которых последние постоянно находились у власти, а виги – в оппозиции. По мнению С. Ли, «подобная система если и существовала, то была разрушена в ходе конфликта вокруг эмансипации католиков в 1827 и 1829 гг.» [24, p. 16-17]. Это позволило Д. Саймсу, основываясь на замечаниях Дж. Кларка, сделать вывод о том, что «наиболее характерной чертой партийной системы Великобритании начала XIX в. стала большая внутренняя нестабильность и наличие мощных фракций внутри партий». При этом Д. Саймс отметил, что фракция ультра тори была одним из первых идеологических объединений, имевшим все шансы стать полноценной парламентской партией [32, p. 56-59].

Таким образом, вопрос об идентичности тори и наличии соответствующей партии в первой трети XIX века тесно связывается современными исследователями с проблемой идеологии торизма. В свое время уже Дж. Кларк обратил внимание на то обстоятельство, что союз сторонников У. Питта-младшего накануне смерти последнего, а также правительство лорда Ливерпуля до 1822 г. отчасти имели характер «прообраза идеологического объединения». Однако, по его мнению, эта идеология носила своеобразный характер: в ней доминировал административный опыт лидеров кабинета (первый пример такого опыта – правительство лорда Норта),

тогда как собственно поляризация политических взглядов имела подчиненное значение. В этом отношении исследователь исходил из предположения, что опыт американской и французской революций, а также политический радикализм 1815-1822 гг. в Великобритании не оказали существенного влияния на становление политической идеологии тори [9, p. 309, 325].

Позиция Дж. Кларка была подвергнута критике Ф. О'Горманом и Д. Билзом. Первый обратил внимание на то, что «бюрократически организованная партия тори, независимая от кабинета министров и иных структур исполнительной власти, появляется не ранее 1830 г., с падением кабинета Веллингтона». При этом Ф. О'Горман признавал поляризацию партийных фракций и возрождение смыслов для лейблов «виги» и «тори» в период пребывания у власти кабинета лорда Ливерпуля. Он также подчеркивал, что идентификация политических пристрастий парламентариев с начала XIX века стала возможной не только с точки зрения традиций голосования, но и тех интересов, которые они преследовали в его ходе [27, p. 116-117; 28, p. 70].

С этой исследовательской позицией полностью солидаризовался и Д. Билз. Он полагал, что «кабинет Ливерпуля обладал идеологией, позволявшей современникам не только идентифицировать его как кабинет тори, но и уверенно отличать последний от оппозиции». Однако вопрос о том, насколько далеко продвинулся процесс идеологического оформления партийного единства и насколько именно идеологические принципы могли служить (и до какой степени) базой для интеграции тори, остался без ответа [3, p. 14-16].

Для Ф. О'Гормана и Р. Пареса торийская идентичность начала XIX века возникла из раскола вигской партии в 1790-е гг. и базировалась на идеологии консервативных вигов, в частности, Э. Берка [28, p. 69; 29, p. 40]. Здесь они солидаризуются с теми исследователями, которые, подобно Д. Уилкинсону, относят появление «нового» торизма ко времени раскола с консервативными вигами конца XVIII века. Первым торийским кабинетом в этом случае объявляется министерство герцога Портленда в 1807 г. [19, p. 142]. Описывая «реакционный характер» торийской идеологии начала XIX века, А. Д. Харви уделяет особое внимание тому, каким образом У. Питт-младший защищал королевскую прерогативу, а Дж. И. Куксон подчеркивает негативное отношение последнего к диссентерам и особенно – к кампании по отмене *Test and Corporation Act* в 1787 г. [19, p. 16; 34, p. 2-4]. П. Лонгфорд подчеркивает, что в это время существовал «ярко выраженный консервативный консенсус», показывает, что именно он и стал в конечном итоге базой для нового партийного разделения в 20-е гг. XIX века. При этом он полагает, что причиной для размежевания в стане вигов был политический кризис, связанный с войной за независимость американских колоний, но оспаривает точку зрения, в соответствии с которой «торийская идентичность» в этот период была перенаправлена с традиционной приверженности двору на поддержку американских лоялистов [23, p. 106].

В свою очередь, Дж. Ганн, П. Ноклз, Н. Эстон и Дж. Брэдли обращают внимание на «старую торийскую традицию» поддержки двора и короны в религиозном аспекте данной проблемы. Эти исследователи подчеркивают, что между идеологией «традиционного торизма» и идеологией консервативных вигов конца XVIII века существовали серьезные различия. Ключевыми из них были приверженность идеалам традиционной англиканской церкви и резко негативное отношение к событиям в Америке и во Франции [2, p. 918-919; 5, p. 361-388; 18, p. 190-191; 25; 26, p. 28-29].

В потоке исследований истоков торийской идентичности, акцентирующих внимание на рассмотренных выше вопросах, есть два существенных исключения – работы Дж. Сэка и Дж. Кларка. Оба историка подчеркивают тесную связь, которая существовала между идеями тори и консервативных вигов с середины XVIII века до 1832 г. Однако Дж. Кларк считает, что в этом альянсе традиционные торийские идеи играли определяющую роль, тогда как Дж. Сэк указывает, что в становлении идей торизма в 1820-е гг. преобладающее значение имели «вигско-консервативные подходы к проблемам текущей политики» [10, p. 232-318; 30, p. 48]. С точки зрения Дж. Кларка, своеобразная «конвергенция» взглядов вигов и тори во второй половине XVIII века сопровождалась все возрастающим вниманием тори к проблемам места и роли традиционной англиканской церкви в конституционном устройстве страны и необходимости сохранения значения церкви в этом устройстве [10, p. 312]. Что касается Дж. Сэка, то он употреблял термины «правые» и «правые виги» как некую альтернативу тори, тогда как для Дж. Кларка эти понятия были почти идентичны [30, p. 48-49].

Позиции Дж. Сэка и Дж. Кларка совпадают во многих аспектах и в последнее время служат основанием для весьма широкого историографического консенсуса. Что же до консенсуса идеологического, то оба исследователя, и в этом с ними солидаризуется большинство коллег, полагают, что его основой было стремление тори и консервативных вигов к сохранению религиозной ортодоксии и главенствующего положения англиканской церкви. При этом крайнее раздражение последних вызывали атаки на необходимость сохранения 39 статей – англиканского символа веры в 1770-е гг. Это раздражение еще более усилилось в связи с явно атеистическим характером французской революции [10, p. 24; 30, p. 50]. По мнению Дж. Кларка и Дж. Сэка, именно убежденность в христианской природе политики и необходимости поддержания конституционного статуса англиканской церкви стала базой торийской идентичности в первые два десятилетия XIX века.

Однако оба исследователя оставляют открытым вопрос о том, насколько различия в подходах к указанным проблемам между консервативными вигами и тори оказали влияние на становление политической идентичности последних. Характерно, что Дж. Сэк и Дж. Кларк описывали взгляды ультра тори как собственно торийские, тогда как позиция либеральных тори оценивалась ими как «консервативно-вигская» или «позиция правительственного истеблишмента». На этот аспект проблемы обратил внимание Д. Саймс [32]. Именно эти обстоятельства дали возможность Дж. Кларку говорить о том, что с отменой политических ограничений для диссентеров в 1828 г. в стране началась настоящая «конституционная революция», идеологические корни которой уходят еще в 1760-е гг., когда впервые стало очевидным несоответствие позиций «истеблишмента» в лице консервативных вигов и собственно тори со взглядами ультра. С появлением в 1822 г.

в правительстве лорда Ливерпуля либеральных тори эти трения только усилились, и религиозный вопрос стал ключевым в прологе «конституционной революции» [10, p. 346].

Такая позиция Дж. Кларка имела под собой определенные основания. Хотя британский специалист и не отрицал значения экономических и социальных изменений, произошедших в стране в период «долгого XVIII века», его взгляд на проблему конституционного устройства Великобритании начала XIX века заключался в том, что оно оставалось аристократически-патриархальным. Он полагал, что концепт «индустриальной революции» был переоценен историками, и даже к началу XIX века Великобритания все еще была доиндустриальной страной. Он писал, что «до самого кризиса с отменой хлебных законов в начале 40-х гг. XIX в., старому порядку в этой стране мало что угрожало, по крайней мере, со стороны новых социальных форм, чье рождение было связано с индустриализацией» [Ibidem, p. 348].

Системная критика позиции Дж. Кларка была предпринята в работах Дж. Иннес. Британская исследовательница полагала, что английское общество XVIII века представляло собой причудливую смесь «традиционных» и «условно современных» элементов, и разность позиций историков имела своей причиной лишь то обстоятельство, насколько каждый из них предпочитал акцентировать влияние на «традиции» или «динамизме» [22, p. 238]. Б. Семмел обратил внимание на то, что сами конфликты внутри тори, по крайней мере, в той их части, которая затрагивала «идеологические основы» торизма, были следствием различия между динамизмом и традицией. Он писал, что «наличествовало явное противоречие между средним классом, желающим завершить трансформацию Британии в индустриальное общество, и защитниками традиционных аграрных интересов» [31, p. 7].

Точка зрения, высказанная Б. Семмелом, остается весьма характерной, но при этом страдает явным упрощением в том смысле, что провести твердую грань между «индустриализмом» и «аграрным интересом» зачастую весьма сложно, поскольку многие лендлорды имели также и ярко выраженные устремления в промышленной сфере. Однако его концепция «двух соревнующихся обществ» оказывается полезной тогда, когда она применяется к конституционному устройству. В этой области традиционный политический порядок, основанный на привилегиях аристократии и главенствующем положении англиканской церкви, был поставлен в условия вынужденной конкуренции с приверженцами иной политической концепции, настаивающими на необходимости предоставления политических прав диссентерам и католикам, а также на реформе избирательного права [24, p. 6]. Именно это различие, зачастую полностью игнорируемое Дж. Кларком, было на самом деле весьма существенным [10, p. 399-400].

В этой связи Дж. Сэк подчеркивал симпатии «лоялистских политиков», к которым он относил У. Питт-младшего и Дж. Каннинга, к доктринам свободной торговли. Также он обращал внимание на существенное «давление справа», которому подвергался У. Хаскиссон как наиболее последовательный сторонник воплощения этих доктрин на практике в стенах парламента [30, p. 182-186]. При этом он ограничил свой анализ приверженности либеральных тори подобного рода политэкономическим теориям исключительно оппозицией к их восприятию со стороны ультра тори. Позиция либеральных оппонентов последних внутри партии тори с точки зрения влияния политэкономических концепций на конституционные изменения остается до сегодняшнего дня мало изученной. Исключение составляют работы Ф. Феттера и А. Гэмблс, где достаточно наглядно показано, что отрицаемая Дж. Сэком связь между стремлением тори к умеренно-либеральным преобразованиям в экономике и убежденностью в необходимости сохранения в неприкосновенности существующего конституционного устройства не только существует, но и нуждается в дальнейшем объяснении и исследовании. В этом отношении раскол партии тори в 1830 г. и последующее обретение ими новой политической идентичности весьма показательны [15, p. 430; 16, p. 7].

Исследование Дж. Сэка также добавляет новых красок в палитру религиозного элемента в конституционном устройстве. Он уделял больше внимания проблемам взаимоотношений тори с неконформистами, но почему-то оставлял вне поля зрения официальную церковь. Его также больше интересовали идеологические расхождения тори и консервативных вигов, тогда как Дж. Кларк, исходя из общей концепции «конфессионального государства», рисует более общую картину, основанную на преобладании ценностей англиканства в конституционном устройстве страны. Р. Хоул модифицировал концепцию Дж. Кларка, обратив внимание на то обстоятельство, что с конца XVIII века и до 1829 г. аргументация в пользу сохранения привилегий официальной церкви сместилась из области политической философии в социальную теорию, что свидетельствовало об усилении нападков на эти привилегии [21, p. 184]. Нападки эти к началу XIX века стали светскими и прагматичными настолько, что уже не приходилось говорить о том, что они относились к чисто религиозной или философской области.

Таким образом, в качестве итога в исследовании позиций современных британских историков в отношении политической идентичности тори второй половины XVIII – первой трети XIX века и роли религиозного фактора в данном процессе наиболее притягательной выглядит своего рода «средняя линия» между концепциями Дж. Сэка и Р. Хоула. Она заключается в том, что и концепция «конфессионального государства» Дж. Кларка и Р. Хоула, и секуляризм и прагматизм английской политики в изображении Дж. Сэка – две крайности. По всей видимости, именно вопрос антикатолицизма стал ключевым в расколах тори в 1827 и 1829 гг. Эмансипация дала старт идеологическому размежеванию тори, что привело в конечном итоге к образованию консервативной партии и первому премьерству ее лидера Р. Пиля [Ibidem, p. 268-269].

Кроме того, все эти проблемы следует рассматривать в широком контексте тех отношений, которые складывались между короной и парламентом в исследуемый период. Также в процессе анализа проблем, связанных со становлением торийской идентичности и идеологии тори во второй половине XVIII – первой трети XIX века, необходимо учитывать те значительные перемены, которые произошли в конституционном устройстве страны в начале 20-х – середине 30-х гг. XIX века. Наконец, религиозный контекст этих изменений нужно анализировать в контексте дискуссии о характере и природе политического суверенитета в английской конституционной

системе изучаемого периода. Именно такой комплексный подход составил основное содержание той историографической тенденции, которая оформилась в британской историографии последнего тридцатилетия.

Список источников

1. **Aspinall A.** English Party Organization in the Early Nineteenth Century // *English Historical Review*. 1926. Vol. 41. P. 389-411.
2. **Aston N.** Home and Heterodoxy: the Defense of Anglican Beliefs in the Late Enlightenment // *English Historical Review*. 1993. Vol. 108. № 429. P. 895-919.
3. **Beales D.** Parliamentary Parties and the Independent Member, 1810-1860 // *Ideas and Institutions of Victorian Britain* / ed. by R. Robson. L., 1967. P. 1-19.
4. **Blackwood's Edinburgh Magazine**. 1830. Vol. 28. № 174.
5. **Bradley J.** The Anglican Pulpit: The Social Order, and the Resurgence of Toryism during the American Revolution // *Albion*. 1989. Vol. 21. № 3. P. 361-388.
6. **Brock W. R.** Lord Liverpool and Liberal Toryism. L., 1967. 310 p.
7. **Christie I. R.** Party and Politics in the Age of Lord North's Administration // *Parliamentary History*. 1987. № 6. P. 47-68.
8. **Claeys G.** The French Revolution Debate in Britain: The Origins of Modern Politics. Basingstoke, 2007. 256 p.
9. **Clark J. C. D.** A General Theory of Party, Opposition and Government, 1688-1832 // *Historical Journal*. 1980. Vol. 23. № 2. P. 295-325.
10. **Clark J. C. D.** *English Society 1660-1832: Ideology, Social Structure and Political Practice during the Ancien Régime*. Cambridge, 2000. 439 p.
11. **Colley L.** In Defiance of Oligarchy: The Tory Party 1714-1760. Cambridge, 1982. 383 p.
12. **Cookson J. E.** *Lord Liverpool's Administration: The Crucial Years, 1815-1822*. Hamden: Archon Books, 1975. 422 p.
13. **Cookson J. E.** *The Friends of Peace: Anti-War Liberalism in England, 1793-1815*. Cambridge: Cambridge University Press, 1982. 330 p.
14. **Feiling K.** *The Second Tory Party, 1714-1832*. L., 1932. 524 p.
15. **Fetter F.** Economic Controversy in the British Reviews, 1802-1850 // *Economica*. New Series. 1965. Vol. 32. P. 424-437.
16. **Gambles A.** *Protection and Politics: Conservative Economic Discourse, 1815-1852*. N. Y.: The Boydell Press, 1999. 291 p.
17. **Gascoigne J.** The Unity of Church and State Challenged: Responses to Hooker from the Restoration to the Nineteenth-Century Age of Reform // *Journal of Religious History*. 1997. Vol. 21. P. 60-79.
18. **Gunn J. A. W.** *Beyond Liberty and Property: The Process of Self-Recognition in Eighteenth-Century Political Thought*. Kingston: McGill-Queen's University Press, 1983. 330 p.
19. **Harvey A. D.** *Britain in the Early Nineteenth Century*. L., 1978. 395 p.
20. **Hilton B.** *A Mad, Bad and Dangerous People? England 1783-1846*. Oxford, 2006. 757 p.
21. **Hole R.** *Pulpits, Politics and Public Order in England, 1762-1832*. Cambridge: Cambridge University Press, 1989. 326 p.
22. **Innes J.** Jonathan Clark, Social History and England's "Ancient Regime" // *Past and Present*. 1987. Vol. 115. P. 236-253.
23. **Langford P.** Old Whigs, Old Tories and the American Revolution // *The Journal of Imperial and Commonwealth History*. 1980. Vol. 8. № 2. P. 106-130.
24. **Lee S.** *George Canning and Liberal Toryism*. Woodbridge: The Boydell Press, 2008. 211 p.
25. **Nockles P.** Church and parties in the Pre-Tractarian Church of England 1750-1833 // *The Church of England, 1689-1833: From toleration to Tractarianism* / ed. by J. Walsh, C. Haydon, S. Taylor. Cambridge, 1993. P. 334-359.
26. **Nockles P.** *The Oxford Movement in Context: Anglican High Churchmanship 1760-1857*. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. 342 p.
27. **O'Gorman F.** *The Emergence of the British Two Party System, 1760-1832*. L., 1982. 132 p.
28. **O'Gorman F., Fraser P.** Party Politics in the Early Nineteenth Century // *English Historical Review*. 1987. Vol. 102. № 402. P. 63-88.
29. **Pares R.** *King George III and the Politicians*. Oxford, 1988. 224 p.
30. **Sack J.** *From Jacobite to Conservative: Reaction and Orthodoxy in Britain, 1760-1832*. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. 292 p.
31. **Semmel B.** *The Rise of Free Trade Imperialism: Classical Political Economy: The Empire of Free Trade and Imperialism, 1750-1850*. L., 1970. 264 p.
32. **Simes D. G. S.** A Long and Difficult Association: The Ultra Tories and the Great Apostate // *Wellington Studies* / ed. by C. M. Woolgar. Southampton, 1999. Vol. I. P. 35-87.
33. **Simes D. G. S.** The Champions of the Protestant Cause Will Not Lightly Abandon It // *Wellington Studies* / ed. by C. M. Woolgar. Southampton, 2008. Vol. IV. P. 299-322.
34. **Wilkinson D.** *The Duke of Portland: Politics and Party in the Age of George III*. Basingstoke, 2003. 197 p.

**THE TORY PARTY IN 1760-1832: PROBLEMS OF IDEOLOGY AND POLITICAL IDENTITY
IN THE MODERN BRITISH HISTORIOGRAPHY**

Klochkov Viktor Viktorovich, Ph. D. in History, Associate Professor
Southern Federal University, Rostov-on-Don
Don State Technical University, Rostov-on-Don
vicpeel@mail.ru, vvklochkov@srfedu.ru

Basing on the analysis of historiography, the thesis is disputed that the Tory party gained organizational unity only after a series of splits in 1827-1830 caused by granting political rights to dissenters and the Catholics' emancipation. The author emphasizes that this was preceded by a long period of consolidation of the Tories (1760-1832), which was accompanied by the birth of their ideology and political identity. The paper shows that in the modern British historiography, more and more supporters have a view, according to which the split of 1832 was caused, first of all, by constitutional changes, and only then by the Tory party problems themselves.

Key words and phrases: Great Britain of the "long XVIII century"; constitutional and political order; the Tory party; historiography of the British party-political system; "constitutional revolution".